

Рассказы о собаках

Много историй можно рассказать о дружбе человека и собаки. Вот несколько рассказов, которые, может быть, заставят вас с еще большей любовью относиться к своему питомцу.

Булька

(Л. Толстой).

У меня была мордашка. Ее звали Булькой. Она была вся черная, только кончики передних лап были белые...

Булька был смирный и не кусался, но он был очень силен и крепок. Когда он, бывало, уцепится за что-нибудь, то стиснет зубы и повиснет, как тряпка, и его, как клещука, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пиявка. Медведь бил его лапами, прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тех пор на нем держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взял его щенком и сам выкормил. Когда я ехал служить на Кавказ, я не хотел брать его и ушел от него потихоньку, а его велел запереть. На первой станции я хотел уже садиться в другую перекладную, как вдруг увидел, что по дороге катится что-то черное и блестящее. Это был Булька в своем медном ошейнике. Он летел во весь дух к станции. Он бросился ко мне, лизнул мою руку и растянулся в тени под телегой. Язык его высунулся на целую ладонь. Он то втягивал его назад, глотая слюни, то опять высовывал на целую ладонь. Он торопился, не успевал дышать, бока его так и прыгали. Он поворачивался с боку на бок и постукивал хвостом о землю.

Я узнал потом, что он после меня пробил раму и выскочил из окна и прямо, по моему следу, поскакал по дороге и проскакал так верст двадцать в самый жар

Б. Ганаго

Одна девушка пошла на озеро за водой. За ней щенок увязался. Дело было поздней осенью, озеро тоненьким льдом покрылось, и снежком его припорошило. Собачка побежала по снежку да и провалилась. Хочет вылезти, а лед обламывается.

Девушка говорит: «Я хотела коромыслом ее достать, а она испугалась да от меня дальше отплыла. Мне пришлось в холодную воду броситься, чтобы поймать ее и вытащить. Вытащила — а она с такой радостью ко мне кидается! Бегает вокруг, трясется, лает от радости, прыгает: радуется, что спасла ее.

Кормилица

Архимандрит Амвросий (Юрасов)

В детстве мы жили в Сибири, в землянке. Есть у нас было нечего. Мы, мальчишки, ходили в поле с железными прутами и выковыривали из-под снега маленькие-маленькие мерзлые картофелины. Приносили их домой и пекли на плите. Вот и вся еда.

Пришла весна. Есть совсем нечего. Утром выхожу из землянки, смотрю: в стожке сена огромная овчарка, серая, ластится, прыгает передо мной. Видно, отстала от кого-то. Прекрасная собака. Оставить бы ее себе, да кормить нечем... Но Господь так управил, что не мы ее кормили, а она нас. Недалеко от нас была речка. Там у богатых и жадных людей паслось очень много гусей и уток. А заборов не было, вместо них вдоль речки вырывали глубокие канавы, за лето они зарастали травой. Овчарка пойдет, поймает гуся или утку, съест, а другого гуся тащит нам. Вот по этим заросшим канavam, чтобы никто не видел, и приносила прямо к нашей землянке... Конечно, таскать чужое нехорошо, но, если бы не собака, мы бы умерли с голоду. Видно, так Господь ей на сердце положил: помочь нам в трудную минуту этим голодным летом.

Тайна креста

...

– Помнится, в прошлый раз мы говорили о птицах. Однако, если мы обойдем вниманием собак, то они на нас обидятся. Им тоже хочется, чтобы их понимали и любили. Для любой собаки праздник, когда в доме мир, когда вся семья в хорошем настроении.

– В одном доме жила собачка-примиритель. Стоило кому-нибудь из домашних начать шуметь, а другому – отвечать на повышенных тонах, как она с лаем подбегала к ним и тащила друг к другу, приглашая примириться. И глядя на ее усердие, на ее умоляющие глаза, нельзя было не улыбнуться. А там, где улыбка, там и мир, и радость.

– Да, собаки заслуживают особого внимания. Трудно перечислить все то, что они сделали для человека. Во время Великой Отечественной войны собаки помогали саперам обнаружить мины. Они находили их по запаху. Известна овчарка по кличке Дик, без помощи которой был бы разрушен прекрасный Павловский дворец в Петербурге. В его фундамент фашисты заложили огромную бомбу с часовым механизмом, но собака нашла ее. Кто может сказать, сколько жизней спас Дик, предотвратив за время своей службы двенадцать тысяч взрывов?

Специально обученные собаки вытаскивали раненных воинов из-под вражеского огня. Не страшась рева моторов, они бросались под приближающиеся танки, подрывая их, погибали.

Когда под Москвой в районе Волоколамского шоссе прорвались фашистские танки, их атака была остановлена нашими четвероногими защитниками.

... Кто научил их жертвовать собой?

... А кто научил сеттера Сильву? – подхватил гость. – Ее хозяева с сынишкой попали в фашистский концлагерь, где их почти не кормили. Особенно страдал от голода мальчик. В одну из ночей он проснулся от тихого повизгивания. Кто-то лизал ему руки и лицо... Кто же мог быть, как не Сильва?! Но как она оказалась здесь, ведь она осталась дома на привязи? Обрывок перегрызенной веревки, болтающейся на шее, говорил о многом. Тайком, чтобы не увидела охрана, Сильва прорыла лаз под колючей проволокой и стала приносить своим хозяевам по ночам кости, картофелины и морковки, найденные в поле, которые и спасли малыша. Разве можно этому научить?

Они спасают жизнь охотнику

(По Г. Снегиреву).

Раньше летом на Командорских островах ездили на собачьих упряжках. Собаки в упряжке сработались вместе, и охотник знает, какие собаки лучше тянут впереди, а послабее запрягает назад.

Все собаки в упряжке слушаются передовика – ту, что бежит впереди.

Передовик самый сильный и умный. Часто собаки спасают жизнь промысловому охотнику. Начнется пурга – охотник роет яму в снегу, распрягает собак и ложится в яму вместе с собаками. Сверху занесет их снегом, а собаки согревают охотника и друг друга. И едят они юколу – вяленую рыбу. Охотник делит ее всем поровну.

И называют собак тундры всегда ласково – собачки. И заботятся охотники о своих собаках, как о людях, – ведь они настоящие работники

Томкины сны

Евгений Чарушин

Когда Томка спит, он лает во сне, повизгивает, а иной раз и лапками шевелит, будто он бежит куда-то.

Никита спрашивает у меня:

– Почему это Томка лает? Ведь он же спит!

– Он сны видит, – отвечаю.

– А какие?

– Да, наверно, какие-нибудь свои, собачьи сны – про охоту, про зверей, про птиц. Человеку таких снов не увидеть.

– Вот интересно-то! – говорит Никита.

Подошел мальчик к Томке, глядит, как он спит.

А Томка спал, спал и залаял тоненьким голоском.

- Я спрашиваю у Никиты:
- Чего же это он во сне видит?
- Понятно, – говорит Никита. – Это он зайчонка увидел небольшого. Томка поспал еще немного и лапками зашевелил.
- Вот, – говорит Никита, – это Томка побежал.
- За кем побежал?
- Да не за кем, а от козы. Он ее увидел, а она бодается. Тут Томка зарычал, залаял.
- Проснись! – закричал Никита. – Проснись, Томка! Ведь он тебя сейчас съест!
- Кто, – спрашиваю, – съест?
- Тигр! Томка с ним подраться хочет. Тигр-то вон какой страшный! Томке с ним не справиться.
- Откуда Никита мог знать, что снится Томке?

Сапсан

После Хозяина всех ближе моему собачьему сердцу Маленькая – так я зову его дочку. Никому бы, кроме неё, я! не простил, если бы вздумали таскать меня за хвост и за уши, садиться на меня верхом или запрягать в повозку. Но я всё терплю и, притворяясь, повизгиваю, как трёхмесячный Щенок. И радостно мне бывает по вечерам лежать неподвижно, когда она, набегавшись за день, вдруг задремлет на ковре, прикорнув головкой у меня на боку. И она, когда мы играем, тоже не обижается, если я иногда махну хвостом и свалю её с ног.

Иногда мы с нею развозимся, и она начинает хохотать. Я это очень люблю, но сам не умею. Тогда я прыгаю вверх всеми четырьмя лапами и лаю громко, как только могу.

И меня обыкновенно вытаскивают за ошейник на улицу. Почему?

...Летом был такой случай на даче. Маленькая ещё едва ходила и была препотёшная. Мы гуляли втроём. Она, я и нянька. Вдруг все заметались — люди и животные. Посредине улицы мчалась собака, чёрная, в белых пятнах, с опущенной головой, с висящим хвостом, вся в пыли и пене. Нянька убежала визжа. Маленькая села на землю и заплакала. Собака неслась прямо на нас. От ужаса вся шерсть на мне вздыбилась, но я превозмог себя и загородил телом Маленькую.

Это уже было не единоборство, а смерть одному из нас. Я сжался, выждал краткий, точный миг и одним скачком опрокинул пёструю на землю. Потом поднял за шиворот на воздух и встряхнул. Она легла на землю без движения, плоская и теперь совсем не страшная. Но Маленькая очень перепугалась. Я привёл её домой. Всю дорогу она держала меня за ухо и прижималась ко мне, и я чувствовал, как дрожало её маленькое тельце.

Не бойся, моя Маленькая. Когда я с тобой, то ни один зверь, ни один человек на свете не посмеет тебя обидеть.

Собачка «Находка»

(Д. И. Е. Тихомировым).

Раз иду мимо оврага и слышу: кто-то в овраге жалобно скулит.

Я спустился в овраг и вижу в траве крошечного щенка.

Когда я подошел к щенку, он еще жалобнее стал плакать. Я взял щенка в руки. Он был еще слепенький. Кожа на нем сморщилась. Он дрожал всем телом, и все плакал жалобно.

Принес я щенка домой и выпросил у матери молочка. Налил в черепок и поставил щенку. Но щенок не видит молока и тычется во все стороны головой. Мать сунула щенка мордочкой в молоко и подержала немного. Щенок стал лакать и перестал плакать..

С тех пор я подружился с моей собачкой, поил и кормил ее. Мы дали собачке кличку – «Находка».

«Находка» жила у нас долго и очень любила меня

Добрый доктор Айболит, прими!..

По Б. Рябинину

А это произошло в польском городе Лодзи.

В местной ветеринарной лечебнице работал врач Ежи Вилямовский, человек отзывчивый, любивший и людей и зверей.

Как-то приходит он на работу, смотрит, а у дверей лечебницы – собака, скулит, просится, чтоб ее впустили. Зачем? Пришла на прием к врачу! Не будет собака проситься зря. Доктор впустил ее в приемную, осмотрел и обнаружил острое воспаление уха. Бедняга Наверное, ей было очень больно, ведь воспаление уха – болезнь весьма неприятная. Поневоле заскулишь!

У доктора Ежи золотые руки и отзывчивое сердце. Он сделал легкую операцию. Собака не сопротивлялась, прислушиваясь к тому, как тонкие докторские пальцы прикасаются к ее коже.

– Больно, Шарик? Потерпи немного.

И голос у доктора добрый, негромкий, успокаивающий.

.... Боль прошла. Шарик перестал поскуливать.

Когда больная псина успокоилась совсем, стала веселой, доктор, накормив, отпустил ее на улицу. Пациентка ушла. Доктор, стоя у дверей, долго смотрел ей в след. Право, он чувствовал себя так, как будто помог человеку. На душе было легко.

Каково было удивление доктора Ежи, когда на следующее утро он снова увидел дворнягу у дверей своей лечебницы. Шарик дружески поприветствовал его, и уже, как к себе домой, сам без приглашения, проследовал за ним в помещение. Не теряя времени, запрыгнул на операционный стол... Лечи!

Операции сегодня уже не требовалось, собаке сделали тепловую процедуру, и она с достоинством удалилась.

А наутро явилась снова. Процедуры помогали ей, снимали боль, как говорят врачи. Так продолжалось ровно неделю. Затем, почувствовав, вероятно, себя выздоровевшим, Шарик перестал приходить.

Надо представить самочувствие доктора Ежи, когда спустя какое-то время однажды утром он неожиданно увидел у дверей лечебницы двух собак, поджидавших его. Одна была знакомая – Шарик, вторая... вторая явно нуждалась в помощи. У нее был ободран бок, требовалась срочная операция. Для этого Шарик и привел сюда свою подругу. Всем своим видом говорил: Добрый доктор Айболит, ты помог мне. Я привел к тебе другую пациентку. Прими! Помоги ей тоже...»

Кто бы мог отказать? Только не доктор Ежи...

Он промыл рану, заштопал бок. Собаки ушли. Теперь ему лишь оставалось ждать, когда первые две приведут третью. И право, он совсем не удивился бы этому...

Томка в беде

По К. Коровину

Пожалуй, меньше других пользовался вниманием Томка – дворовой пес. Его не баловали. Сыт, накормлен, и ладно. Но именно Томка открыл мне, какой надежный друг – собака.

В гости к нам приехал родственник Михаил, чуть старше меня. Мы строили во дворе катушку – ледяную гору. Томка бродил тут же, присматриваясь к тому, что мы делаем.

Михаил решил побороться со мной. Схватил и повалил в снег. И вдруг Томка ка-ак зарычит да кинется на Михаила! Тот едва успел увернуться от грозных собачьих клыков.

Томка бросился защищать меня. Ай да Томка! Откуда ему было знать, что Михаил шутит и хозяину ничего не грозит!..

.... Томка был крупный, сильный – мог испугать кого угодно.... Днем Томка отсыпался в конуре, а вечером его спускали с цепи (закрыв предварительно ворота на засов), и до утра он бродил по двору, заглядывая во все закоулки, темные углы и время от времени басисто лаял.

Зимой, в сильные морозы, мама пускала его на кухню, и пес отогревался там, пока не наступал урочный час. Вместе с морозным воздухом Томка приносил крепкий запах псины; но мне нравился этот запах, я любил прижиматься к

Томке, запускал руки в его густую мягкую шерсть, а он замирал от счастья. Пес не был избалован лаской. Все на цепи да на цепи. Но вот кончилось счастье. Скажут: «Пора на службу» – и он сразу идет к дверям.

Честности он был безупречной и ни разу не позволил себе стянуть что-либо съестное, даже будучи голодным, хотя вокруг витали аппетитнейшие запахи. И вообще с тех пор я считаю, что самые лучшие собаки – дворовые. Лаки им перепадает меньше, зато они и ценят ее больше. А уж служат не за страх, а за совесть.

Однажды ночью в огороде ветром повалило забор. Басистый голос Томки слышался всю ночь; но к утру пес исчез. Не пришел он и к вечеру. Не возвратился на следующий день. Наутро следующего дня стало ясно, что Томку поймали собачники.

Родные откомандировали меня на поиски. На случай, если пес, действительно захвачен ловцами и придется выкупать, мать вручила мне три рубля.

Зажав в руке трехрублевку, я мчался бегом через весь город на бойню, где оканчивалась жизнь бродячих собак.

Пойманных в ожидании выкупа выдерживали три дня. Шел третий день, я отчаянно боялся опоздать.

Бойню слышно было за квартал. Лай, визг, жалобный вой... Несчастные псы вопили на разные голоса, кто как умел. Они сидели в больших деревянных ящиках, почти в полной темноте.

– Кажись тут... – лениво ответил мне человек, одетый, несмотря на теплую погоду, в валенки и толстую куртку, когда я описал ему Томкины приметы. На заросшей физиономии не отражалось никаких чувств.

Больше человек этот не сказал ни слова. Наверное, он не умел ни радоваться, ни печалиться. Прямоком он направился к одному из ящиков и, откинув крышку, быстро выудил проволочной петлей Томку.

Как изменился пес за короткий срок! Прямо-таки неузнаваем... Одичал, похудел, шерсть всклочена, глаза налились кровью. Не наш Томка! Я никогда не видел его таким пришибленным, несчастным.

И это – за два дня пребывания в «ящике»...

Он даже не порадовался моему приходу – вероятно полагая, что конец неотвратим, ничто уже не поможет.

Я смотрел на мужчину в валенках и куртке, и в душе у меня поднималось нехорошее чувство. Я смотрел на него, и самые черные мысли обуревали меня. Я смотрел и думал, что он делает самое презренное и жестокое дело из всех, о каких только я знал и какие мог предположить. Что дело это особенно жестоко потому, что собаки не могут сопротивляться, как люди, а Томка небось и вовсе не умел, на то он наш добряк Томка, и что за это жестокое дело этому жестокому человеку в его носатых валенках и грязной теплой куртке, наверное, еще платят деньги.

И я сейчас заплачу.

А где же справедливость? Сейчас мне было жалко этих несчастных трех рублей, хотя, чтоб выручить Томку, я не пожалел бы ничего. Снял бы с себя последнее. Честное слово.

С того далекого дня у меня навсегда осталась жгучая неприязнь к людям, которые ловят наших друзей – собак. По Б. Рябинину

Кто животных не любит, тому счастья нет, – бывало, говаривала бабушка.

Блажен тот, кто и скота милует, – вторил дедушка.

И дедушка и бабушка научили меня любить животных.

Какие милые существа собаки. Маленькое сердце щенка, как горошина, полно любви к человеку и такта. Отец не обращает внимания на детей – их воспитывает мать. Но, видимо, он рад, что есть у него семейство. Когда щенята подросли, то мать кусала и дразнила их всех по очереди ужасно. Они в злобе бросались на мать. Видимо, она была довольна.

– Этак она из них собак делает, – объяснил мне приятель, – чтобы могли себя защитить в жизни...

Собака Якова

Л. Н. Толстой

У одного караульщика была жена и двое детей: мальчик и девочка.

Мальчику было семь лет, а девочке было пять лет.

У них была лохматая собака с белой мордой и большими глазами. Один раз караульщик пошел в лес и велел жене не пускать детей из дома, потому что волки всю ночь ходили около дома и бросались на собаку.

Жена сказала:

– Дети, не ходите в лес, – а сама села работать.

Когда мать села работать, мальчик сказал своей сестре:

– Пойдем в лес, я вчера видел яблоню, и на ней поспели яблоки.

Девочка сказала: «Пойдем», и они побежали в лес. Когда мать кончила работать, она позвала детей, но их не было. Она вышла на крыльцо и стала кликать их. Детей не было.

Муж пришел домой и спросил: «Где дети?» Жена сказала, что она не знает.

Тогда караульщик рассердился на жену и побежал искать детей.

Вдруг он услышал, что визжит собака. Он побежал туда и увидел, сто дети сидят под кустом и плачут, а волк сцепился с собакой и грызет ее.

Караульщик схватил топор и убил волка. Потом взял детей на руки и побежал с ними домой.

Когда они пришли домой, мать заперла дверь, и они сели обедать. Вдруг они услышали, что собака визжит у двери. Они вышли во двор и хотели впустить собаку, но собака была вся в крови и не могла ходить. Дети принесли ей воды и хлеба. Но она не хотела ни пить, ни есть и только лизала им руки. Потом она легла на бок и перестала визжать. Дети думали, что собака заснула, а она умерла.

Играющие собаки

К. Ушинский

Володя стоял у окна и смотрел на улицу, где грелась на солнышке большая собака Полкан.

К Полкану подбежал маленький Мопс и стал на него кидаться и лаять: хватал его зубами за огромные лапы, за морду и, казалось, очень надоедал большой и угрюмой собаке.

– Погоди-ка, вот она тебе задаст! – сказал Володя. – Проучит она тебя.

Но Мопс не переставал играть, а Полкан смотрел на него очень благосклонно.

– Видишь ли, – сказал Володе отец. – Полкан добрее тебя. Когда с тобою начнут играть твои маленькие братья и сестры, то непременно дело кончится тем, что ты их приколотишь. Полкан же знает, что большому и сильному стыдно обижать маленьких и слабых.

Проша

Г. Снегирев

Один мальчик, его звали Проша, не любил ходить в детский сад. Мама ведет его утром в детский сад, а Проша спрашивает:

– Почему ты меня ведёшь? Мама говорит:

– Потому что ты один заблудишься!

– Нет, не заблужусь!

– Нет, заблудишься!

Проша каждый день с мамой спорил. Раз утром мама говорит ему:

– Иди один в детский сад!

Обрадовался Проша и пошёл один, без мамы. А мама шла по другой стороне улицы и смотрела – куда он пойдёт? Проша не видел маму. Он прошёл немножко по улице, остановился и стал смотреть в окно. Он очень любил смотреть в чужие окна.

В этом окне сидела собака. Она увидела Прошу и стала лаять. А Проша совсем не боялся собаки. Правда, он боялся, но немножко: он знал, что собака за стеклом!

Проша становился всё храбрее. Сначала он показывал собаке язык, а потом стал кидать камушки. Собака на него злилась. Она хотела его укусить, но стекло её не пускало. Собаку кто-то позвал. Она завиляла хвостом и прыгнула в комнату.

Проша всё стоял у окна и ждал. И вдруг видит, открывается дверь – выходит эта собака и с ней девочка. Она её на цепочке вывела погулять.

Проша хотел побежать – от страха ноги не двигаются. Хотел закричать – тоже не может!

А собака увидела Прошу и как зарычит, зубы оскалила!

Девочка изо всех сил держит собаку и кричит Проше:

– Беги! Беги!

Проша закрыл лицо руками и как заревёт: – Больше не буду! Не буду дразнить! Тут подбежала Прошина мама, взяла его на руки, и они скорей пошли в детский сад.

Султан

Т. Белозеров

В сибирской деревушке Нерпинке на каждом дворе – собака. У старых, одиноких людей собаки на цепи сидят, а у молодых – вольные. Чья возле калитки дремлет, чья в поле мышкует, а чья с ребятишками по тайге ходит. Живут в своё удовольствие! Один лишь Султан с ног сбился – трактор водит. Заведёт его хозяин свой трактор, с места тронет, и Султан впереди бежит. Весь день впереди трактора бегают. Хвост крючком, язык на сторону. И лес трелевать, и сено возить – везде успеть надо!

В полдень хозяин обедать идёт, а Султан на речку – купаться. Закупался он однажды, прибежал к дому, а трактор его ушёл... Выбежал Султан в поле, сел, ушами водит – слушает. Слушал, слушал... Из всех тракторов – свой по звуку определил – и напрямую в лес.

Через минуту выбегает на дорогу Султан, за ним трактор, а за трактором волокуша тянется...

Сначала-то молодые трактористы над Султаном смеялись, но после такого случая перестали – какой уж тут смех, если механик тебе в пример собаку ставит!

Хромая собака

Цесаревич Алексей

«Ваня возвращался из школы. Ученье прошло у него хорошо, и он веселый спешил домой. Мальчик с особым вниманием и радостью смотрел по сторонам. Вдруг услышал он жалобный писк и, обернувшись, заметил, что прошел мимо собаки, которая лежала посреди дороги и лизала свою левую заднюю лапу. Он тотчас подбежал к ней и, разглядев на ней рану, перевязал ее своим платком. Собака показалась Ване очень жалкой и худой. Он захотел ее накормить и позвал за собой. Хромая на одну ногу, она покорно поплелась за ним.

Через три недели Тузик – так назвал Ваня свою собаку – окончательно оправился и очень привязался к своему хозяину. Он всегда выбегал навстречу ему, когда Ваня возвращался из школы, и, прыгая вокруг него, сопровождал до самого дома. Дорога из школы лежала мимо речки Змейки, которая протекала на краю деревни. Часто Ваня со своими товарищами останавливались на берегу Змейки, и все вместе смотрели, как ползают в воде раки, которыми эта речка была богата.

Однажды, когда Ваня и товарищи возвращались из школы мимо речки, они заметили в воде рака так близко от берега, что им захотелось поймать его руками. Младший из друзей, Вася, уже начал разуваться, когда Ваня, желая опередить его, стал быстро спускаться по довольно крутому откосу. Вдруг он поскользнулся и через мгновение оказался по горло в воде.

За ним поплыл его картуз, соскочивший с него при падении.

Ваня барахтался в воде и, крича, протягивал руку к своим друзьям. Но те, боясь тоже попасть в реку, повернувшись к деревне, стали звать на помощь. Между тем Тузик, только что подбежавший к берегу с поля, по

которому он с восторгом носился, увидав своего хозяина в воде, тотчас же бросился за ним.

В тот же миг Ваня погрузился с головой.

Пока Вася, обернувшись к реке, молил Бога о спасении своего друга, а третий из товарищей побежал к деревне, продолжая звать на помощь, Тузик, схватив утопающего за рубашку, вытащил его на берег. Вася помог Ване вскарабкаться по откосу и стащить намокшие сапоги.

В это время к ним подбежали еще два мальчика. Один из них был Ванин брат, Миша, который часто выходил своему старшему брату навстречу. Но на этот раз он опоздал, так как был задержан в школе на полчаса. Они оба обрадовались, увидев Ваню спасенным, и стали расспрашивать его о том, что с ним случилось. Его все слушали с интересом, а мальчик, рассказывая, обнимал и ласкал Тузика.

Так хромая собака отблагодарила Ваню за доброту»